

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

*И.В. ЕФИМЧУК***Пирамида власти-собственности:
будущее планетарной экономики?**

Поражение, которое потерпели в холодной войне страны социализма, продемонстрировало миру их низкую экономическую эффективность и неспособность конкурировать на равных с противником, чье хозяйство основано на рыночных принципах. Широко распространившиеся во время "бархатных" революций приятные на слух лозунги (экономическая свобода, правовое государство, общечеловеческие ценности) породили всеобщую уверенность в необратимости наступления западной демократии, совместно с рыночной экономикой преодолевающей последние преграды (институциональные ловушки), воздвигаемые традиционализмом. Отдельные голоса скептиков, возражающих против односторонней оценки реалий, трактуются значительной частью интеллигенции как черный пессимизм, препятствующий порыву масс к построению общества всеобщего благосостояния в мировом масштабе. Вполне понимая и приветствуя желание людей жить в свободном демократическом обществе, попробую рассмотреть, насколько реалистична сама постановка вопроса об окончательной победе рынка (обмена) над распределением и демократии над тоталитаризмом.

Даже формулировка подобного вопроса в качестве дискуссионной гипотезы способна вызвать недоумение в момент, когда господство рынка не только в постсоциалистических странах, но и во всей мировой экономике, кажется свершившимся фактом, подкрепляемым оптимистическими выводами обществоведов: "Характерной чертой восьмой фазы (периодизации истории по И. Дьяконову. – *И.Е.*) стал уход в прошлое... последних империй. Наблюдается все большее отторжение обществом тоталитарных режимов" [Медведко, 2002, с. 16]. Однако попытка применить к анализу социальной эволюции и экономического развития современные методы исследования (в том числе представления о власти-собственности и элементы системного анализа) приводит к результатам, которые противоречат доминирующим положениям экономической науки. Как бы ни хотелось автору разделить оптимизм рыночников, ряд моментов заставляет подвергать их слова сомнению.

Власть-собственность: ретроспектива и перспектива

Модель власти-собственности, разработанная в начале 1980-х г. синологом Л. Васильевым преимущественно на материалах истории Китая [Васильев, 1982, с. 89], не пользуется широкой известностью среди экономистов. Она раскрывает специфику общественных отношений в аграрных цивилизациях Востока и предполагает неразрывное единство властного статуса и экономической роли, причем первичным в этой связке является власть, а не собственность. Востребованная идеологами перестрой-

Ефимчук Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

ки (поскольку она позволяла продемонстрировать аналогию между советским строем и восточной деспотией), с началом рыночных преобразований эта модель была забыта "властителями дум", казалось, навсегда. Захлестнувшая страну волна реформаторской эйфории породила не только у большинства населения, но и в ученом мире оптимистические ожидания очередного (теперь уже рыночного и демократического) светлого будущего. После десятилетия не слишком удачного для страны реформаторства, когда вина за отрицательные последствия осуществленных преобразований была возложена на "институциональные ловушки", проблема власти-собственности снова оказалась актуальной.

Пирамида советской власти-собственности, полуразрушенная рынком, но сохранившая свой "скелет" (иерархическую структуру "властной вертикали"), идеально подошла на роль главной "институциональной ловушки", препятствующей реализации созидательного потенциала частной собственности и экономическому развитию страны. Именно такую трактовку данный феномен получил в редких работах, посвященных его анализу. Представляется, что чрезмерная политизированность и увлечение оценочными суждениями препятствуют объективной трактовке учеными-экономистами данной модели, мешая приблизиться к уровню понимания проблемы, заданному Васильевым.

На мой взгляд, власть-собственность – отнюдь не нежизнеспособная мутация отношений собственности, обусловленная "азиатской" наследственностью российской государственности. Как не является нежизнеспособной мутацией социального организма экономическая система, базирующаяся на жесткой иерархической структуре и преимущественно перераспределительных (редистрибутивных) хозяйственных связях. Как отмечает А. Неклесса, "социальное пространство обладает... определенной двойственностью и противоречивостью... Оно может быть замкнутым, консервативным и экономным, либо открытым, революционным и весьма расточительным, и в том, и в другом случае сохраняя жизнеспособность" [Неклесса, 2001⁶, с. 62]. За тысячелетия социальной эволюции человечеством были освоены и апробированы два базовых типа социально-экономических систем, в которых тесно связаны взаимоопределяющие друг друга экономические и политические принципы организации. Один из них – рынок в экономике и демократия в политике, другой – распределение и авторитарная политическая власть (империя, то есть система с жесткой централизацией власти). Именно этому, второму типу социума и соответствует пирамида власти-собственности, в которой "власть и господство основываются не на владении собственностью как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии" [Нуреев, Рунов, 2002]. Первый тип экономико-политической организации характерен для открытых хозяйственных систем, второй – для закрытых.

Человеческие сообщества любого масштаба и уровня развития, поскольку их жизнеобеспечение осуществляется за счет обмена с природной средой, поставляющей человеку необходимые ему ресурсы, представляют собой открытые системы. Но социум можно рассматривать и в качестве закрытой экономической системы, принимая за критерий характер взаимодействия с *внешней социальной средой*, соседними странами и народами. Если в стране жизнеобеспечение большинства населения основывается на собственных ресурсах, расположенных на ее территории, а взаимодействие с соседними странами (речь может идти как о силовой экспансии, так и о внешней торговле) экономически незначимо, носит вспомогательный характер – экономику такой страны можно считать *закрытой системой*. Если же уровень жизни большинства населения страны поддерживается за счет обмена с внешней социальной средой и недостижим на основе использования собственных ресурсов (как естественных, так и искусственных), такая система будет открытой. В последнем случае расширение обмена с внешней социальной средой автоматически приводит к увеличению взаимодействия со средой природной, поскольку в процесс удовлетворения потребностей населения данной страны вовлекаются и чужие ресурсы.

Закрытая система преимущественно статична, она реализует задачу *сохранения*, а не развития. Отсутствие эволюционной динамики отнюдь не отрицает, а, наоборот, предполагает наличие динамики функциональной. Однако амплитуда колебаний (то есть динамика разнообразных процессов, идущих в социуме), допустимая в закрытой системе, должна быть ограничена определенными критическими значениями, за пределами которых запускается процесс саморазрушения системы. Такая система строится на доминировании государственной собственности, поскольку именно она структурирует закрытое социальное пространство, придает ему необходимую жесткость и устойчивость. Как известно, "...высокоорганизованная система должна обладать свойствами и жесткой, и корпускулярной систем; они взаимно дополняют друг друга, и наличие только одной из них еще не определяет достаточной жизнеспособности" [Малиновский, 1970, с. 26]. В любом социуме роль субординирующих связей выполняет государственная собственность, а гибких, координирующих – частная. Именно частная собственность делает социум органичной, саморазвивающейся системой, способной к качественным трансформациям; дополняет его такими характеристиками, как вариативность и мобильность. Однако "части органического целого вне целого не только теряют ряд своих значимых свойств, но и вообще не могут существовать в данной качественной определенности" [Спиркин, 1999, с. 299]. Опыт аграрных цивилизаций Востока наглядно демонстрирует, что рост частной собственности, выход частной инициативы из-под контроля государства приводил не к экономическому развитию, а к разрушению самой системы, после чего на ее обломках начинался новый хозяйственный цикл.

Взаимозависимость государственной и частной собственности показывает Л. Алаев: "На протяжении веков шла борьба между двумя системами прав на землю, соответственно, между социальными слоями, представлявшими эти две системы... Частный сектор не мог победить в этой борьбе, поскольку это вело к упадку государства и установлению новой власти, снова низводившей частный сектор на его второстепенные позиции. Государство при всем своем могуществе не могло уничтожить частный сектор: стоило этим всерьез заняться, как наступал хозяйственный упадок с примерно теми же последствиями. Два сектора были обречены сосуществовать, жить в симбиозе. Каждая из противоборствующих сил в одиночку была слаба, чтобы монополизировать экономику" [Алаев, 1998, с. 117–118].

Через смену тенденций концентрации/деконцентрации собственности в аграрных империях реализовывалась функциональная динамика¹. Нарушение социально-экономического равновесия создавало необходимость развития, но из-за отсутствия возможности последнего происходил не качественный скачок на более высокий уровень, а "возвращение на круги своя". Застойные аграрные цивилизации время от времени восстанавливали утраченный потенциал развития за счет саморазрушения и уничтожения части избыточного населения в войнах и социальных катаклизмах.

В закрытой системе, лишенной возможности выйти за пределы очерченных границ (и пространственных, и временных), наладить новые способы взаимодействия со средой, подавление частной инициативы и ограничение частной собственности – не произвол и злонамеренность властей, а *императив выживания*. Гибкие, вариативные, нацеленные на реализацию индивидуальной выгоды связи разрушают закрытую систему, поскольку работают не на прирост богатства, а на его перераспределение, подрывающее устойчивость социума. Закрытая система как бы "зависает" на достигнутой кривой производственных возможностей. В такой ситуации, в полном соответствии с оптимумом В. Парето, увеличить благосостояние одних можно только за счет уменьшения благосостояния других. «Собственность, образно говоря, об-

¹ Механизм концентрации/деконцентрации собственности как источник самодвижения аграрных социумов рассматривается в [Бурганов, 1996; Кульпин, 1998]. Коротко и четко он раскрыт в [Алексеев, Неведов, 2002]).

ладает "свойством ртути" – собираться в большие объемы» [Лукиянов, 2000, с. 44], и в этом процессе проявляется ее теснейшая связь с хозяйствованием, "поскольку дробная (мелкая) собственность, как правило, нерентабельна, неэкономна" [Бурганов, 1996, с. 44].

Концентрация собственности в закрытой системе – процесс объективный, обусловленный необходимостью повышения экономической эффективности в рамках заданных границ. Однако экономический механизм изначально несет в себе внутреннее противоречие. Замкнутая система должна быть организована оптимально, а ограниченные ресурсы в ней – использоваться максимально эффективно. Для этого они должны принадлежать тем, кто способен получить от них наибольшую отдачу. Но перемещение ресурсов в направлении наибольшей эффективности и их концентрация в руках меньшинства подрывают возможность нормального функционирования хозяйства. Возникает парадокс: ресурсы используются рационально, а социум разваливается на глазах. Люди выбрасываются за пределы производства, лишаются ресурсов, которые они использовали менее эффективно, чем их удачливые конкуренты, теряют способность к самообеспечению. Математиками предложено следующее понятие: "критический уровень организации системы – уровень порядка в системе, соответствующий стационарному состоянию... Система, организованная выше критического уровня, стремится вернуться к нему, иницилируя максимально широкий спектр процессов, способных разрушить излишек ее организации" [Шаповалов, Казаков, 2002, с. 15, 17]. Процесс чрезмерной концентрации собственности приводит к "перегрузке редистрибутивной системы" (определение, предложенное этнографами), разрушению пирамиды и новому этапу деконцентрации (в аграрных империях – очередному переделу земли). Но "перегрузка редистрибутивной системы" – процесс неоднозначный, она может произойти на верхних этажах пирамиды собственности, может – на ее среднем уровне; в обоих случаях с одинаково разрушительными последствиями для всей хозяйственной системы.

Чрезмерная концентрация собственности на самой верхушке властной пирамиды чаще всего вызывалась переразвитостью оборонной деятельности, порожденной конфликтным взаимоотношением с внешней социальной средой. (История знает немало примеров подобного рода – от строительства Великой Китайской стены в империи Цинь до чрезмерно разросшегося советского ВПК.) Доведенное до крайности сверхпотребление встречалось редко и обычно в ситуации, когда управление социумом попадало в руки случайных людей, не имевших представления о полномочиях и традициях власти. Гораздо чаще очередной виток саморазрушения аграрных империй провоцировался ростом частного землевладения, выходявшего из-под контроля государства. Он приводил к обезземеливанию значительной части крестьянства, лишая людей средств к существованию и провоцируя социальные конфликты. Неслучайно и верховная власть, и традиция в застойных цивилизациях пытались противостоять росту частной собственности, приводящему к саморазрушению социума [Васильев, 1982, с. 89]. Контроль за денежным богатством, который современному либералу представляется абсолютным произволом распоясавшихся властей, имел экономический смысл. Разбогатевшие нувориши (и чиновники, и частные лица) начинали скупать землю – базовый ресурс и главный символ богатства аграрных цивилизаций, разоряя основную массу населения. В аграрных обществах существовала масса ограничений и прямых запретов на залог и куплю-продажу земельных участков, но даже они не в состоянии были надолго предотвратить процесс обезземеливания крестьян, обусловленный объективными причинами, но субъективно приводящий к очередному витку саморазрушения.

Пирамидальная структура власти-собственности для замкнутой системы оптимальна, она обеспечивает существование последней в виде "диссипативной структуры, устойчивой, но неравновесной" [Некlessа, 2000, с. 207]. Неравновесие задает "возможность" развития, а устойчивость на более или менее длительный промежуток времени блокирует его "необходимость", препятствуя разрушению социально-

экономической системы. Однако подобная пирамида устойчива только при условии, если иерархия выстроена правильно и равномерно, если в ней сформирована отрицательная обратная связь – создан перераспределительный механизм, препятствующий чрезмерной концентрации богатства на верхних уровнях и полному разорению нижнего яруса (населения), на плечах которого держится вся пирамида. В аграрных цивилизациях равномерность обеспечивалась двумя путями. Во-первых, за счет действия неписаного правила: имущественный статус человека должен соответствовать социальному статусу. Государственная собственность в закрытой системе обеспечивала не только производство общественных благ, но и престижное потребление бюрократии, обозначающее ее статус. Это не достоинство власти-собственности, но отнюдь и не ее недостаток, а естественная и объективно необходимая характеристика. Соответствие имущественного статуса социальному позволяло упорядочить объемы престижного потребления, ограничивая аппетиты личности и тем самым обеспечивая экономию ресурсов закрытой территориальной воспроизводственной системы.

Для человека, воспитанного на индивидуалистической идеологии Запада, детальная регламентация личного потребления кажется дикостью, нарушающей его естественные права. Однако она рациональна для системы, в которой отсутствует дополнительный приток ресурсов, а любое отклонение от оптимального распределения способно привести к ее разрушению. Разумеется, проще регулировать объемы потребления людей, включенных в жесткую пирамиду власти и обязанных в силу служебного положения беспрекословно подчиняться ее правилам. Однако подобный контроль осуществлялся и в отношении всего социума, особенно тех его членов, кто собственной инициативой (обычно торговлей) приумножал свою частную собственность, нарушая имущественную субординацию в системе.

Вторая характеристика аграрных обществ, с помощью которой поддерживалась их стабильность, – патернализм, пронизывающий все государство. На Востоке "...существовал незыблемый консенсус между административным меньшинством и производящим большинством: первые управляли, вторые производили и находились под надежной опекой управителей, существовавших за счет произведенного ими продукта. Иными словами, труд умственный постоянно и со взаимной выгодой (ощущавшейся обеими сторонами) обменивался на труд физический" [Васильев, 2000, с. 101]. Разумеется, все познается в сравнении, и никто не будет отрицать, что восточная традиция власти гораздо деспотичнее западной. Но на то есть объективные причины. Кроме того, по мнению многих современных ученых, "деспотизм высшей власти на Востоке сильно преувеличен" [Крадин, 2001, с. 178]. Можно привести массу цитат из трудов востоковедов, подчеркивающих несостоятельность однобокого "западнического" взгляда на политическую и экономическую организацию восточных обществ.

Насколько эффективной была система патернализма в Китае, свидетельствует мнение Кульпина: "На конфуцианском Востоке при самых тяжелых положениях не меньше 9% госбюджета шло на образование и столько же на здравоохранение" [Кульпин, 1999, с. 250].

Закрытые системы вынуждены подавлять свободу частей во имя выживания целого. Этот принцип относится не только к обществу, но на его примере он отслеживается особенно наглядно. Историками давно зафиксировано, что уровень социальной и имущественной дифференциации в закрытых социально-экономических системах с авторитарной властью выше, чем в открытых, рыночных и демократических. Демократии более равновесны, нежели деспотии; в последних практически отсутствует средний класс, который в современной науке считается основой устойчивости социума. Но именно эта особенность авторитарных систем и требует выработки специальных механизмов, препятствующих увеличению дифференциации выше критического уровня. Власть-собственность, хотя и обеспечивает низкий уровень удовлетворения потребностей людей, но гарантирует его подавляющему большинству населения.

Достигается это за счет системы так называемых "перекрестных прав" ("перекрывающих прав" в терминологии Васильева) на землю, владение и пользование ко-

торой в аграрных империях – залог выживания. Эта система делала все население совладельцем земли, снижая потенциал социальной конфликтности и препятствуя отчуждению от собственности даже самых бедных и неудачливых. При этом "земля принадлежит и обрабатывающему участок общиннику, и общине в целом, от имени которой ее распределяет старейшина, и региональному вождю, который стоит над старейшиной и поручает ему делить эту землю, и, наконец, верховному собственнику, без согласия которого тоже обойтись невозможно..." Это явление никого не смущало, ибо подтверждало, что "...земля не является частной собственностью, она принадлежит всем, но в строгом соответствии с той долей владения, власти над ней, которой реально располагал каждый из ее владельцев, снизу доверху" [Васильев, 1982, с. 83]. Именно поэтому в ходе колонизации стран Востока европейцы долго не могли разобратся с местными правилами, регулирующими собственность не землю.

Система "перекрестных прав" на землю характерна не только для восточных деспотий. В Мезоамерике и ахейской Греции, в средневековой Европе, Киевской и Московской Руси историки отслеживают сходные принципы организации – ту же иерархическую структуру и "раздробленные права собственности" на землю, обеспечивающие возможность самообеспечения для большинства населения. Нечто подобное было воспроизведено и в Советском Союзе: все население объявлялось формальным собственником национального богатства, реальный доступ к которому определялся местом человека в социальной иерархии. Но российские пенсионеры не зря с ностальгией вспоминают дешевую советскую колбасу. Подавление экономически и политически инициативного меньшинства в СССР осуществлялось в интересах большинства населения, а престарелое Политбюро ЦК КПСС, даже обеспечивая себе высочайший по советским меркам уровень престижного потребления, не могло перегрузить редистрибутивную систему по причине своей малочисленности.

"Сейчас уже кажется очевидным, если не тривиальным, фактом, что на определенном уровне власть экономическая и политическая сливаются" [Некlessа, 2001^а, с. 25]. Такое слияние происходит на *кривой производственных возможностей*. Хозяйственная система, которая не в состоянии преодолеть возникшее ресурсное ограничение, либо разрушается, либо приспосабливается к существованию в заданных границах, поддерживая простое воспроизводство продуктов, ресурсов и населения. Иерархическая структура, которая резко уменьшает степень свободы каждого отдельного человека, в масштабе социума представляет собой естественный результат самоорганизации, обеспечивающий если не развитие экономики (которое на данной энергетической, технологической и ресурсной базе более невозможно), но выживание людей. "Таким образом, иерархия предотвращает конфликты и стабилизирует целостность группы" [Крадин, 2001, с. 111].

Стабильная экономика и пределы роста

Индустриальная цивилизация Запада прорвала базовое ресурсное ограничение, которое не удалось преодолеть остальному миру, – абсолютную редкость земельных угодий, пригодных для сельскохозяйственного использования. Она обрела новый потенциал развития, резко расширила производственные возможности человечества, увеличила численность населения и уровень его благосостояния. Преодоление пространственных и временных ограничений позволило одновременно и повышать эффективность использования уже имеющихся ресурсов, и вовлекать новые виды ресурсов, недоступных (либо нерентабельных) в иных формах хозяйственной организации. Западноевропейская индустриальная цивилизация, в отличие от исчерпавших потенциал развития аграрных обществ Востока, до настоящего времени представляет собой преимущественно открытую систему, активно взаимодействующую со средой – и социальной, и природной – и развивающуюся за счет вещества и энергии среды. Высокий потенциал роста (качественного и количественного) и безоглядная вера в науч-

но-технический прогресс позволили снизить статус проблемы границ роста, постоянно и эффективно решать ее в рамках рыночной экономики.

Но, как ни грустно это осознать, развитие любой системы (в том числе и индустриального хозяйства) имеет свои границы. Оно лимитировано количественными и качественными характеристиками среды, доступной освоению – как природной, так и социальной. Причем достигнутые на сегодня ресурсные лимиты преодолеть гораздо сложнее, чем снятые за 250 лет развития западной цивилизации, поскольку они являются базовыми уже для индустриальной экономики. Если ограничения первого типа можно условно назвать локальными, то ограничения, которые актуализируются сейчас, – *глобальными*. Интенсивное развитие техники и технологий, преодолевающее локальные ресурсные ограничения, если сопоставить его с глобальной кривой производственных возможностей, задаваемой наличием невоспроизводимых минеральных ресурсов, оказывается по сути своей *экстенсивным*. Раньше можно было просто увеличивать отдачу от единицы используемого вещества природы. В современной ситуации человек подошел к черте, за которой он должен либо полностью отказаться от использования невоспроизводимых природных ресурсов, заменив их на воспроизводимые (естественные и искусственные) и научившись существовать по законам закрытой системы, либо полностью поменять тип хозяйственной деятельности (и, соответственно, социальную организацию). С приближением к границам освоения среды (очередной, теперь уже глобальной кривой производственных возможностей) потенциал развития системы постепенно сокращается в соответствии с логистическим законом экономического роста, степени свободы ее элементов (личностей, коллективов) уменьшаются, и возникает жизненная необходимость в увеличении упорядоченности, организующего, субординирующего начала². Соответственно, нарастает потенциал конфликтности, поскольку, при отсутствии прироста общественного богатства, преумножать частную собственность одних можно только за счет частной собственности других. Установка на рост личного благосостояния входит в противоречие с потребностью самосохранения системы.

Противоречие между социальной и экономической эффективностью и необходимость его по возможности бесконфликтного разрешения лидеры индустриальной экономики осознали еще со времен Великой депрессии. Когда концентрация собственности в развитых странах достигла критического масштаба, под угрозой социального взрыва для восстановления равновесия была произведена работа "на опережение" – частичная деконцентрация собственности "сверху", перераспределение богатства путем проведения государственной социальной политики. Стабильный средний класс – гордость Запада, был сформирован в период доминирования кейнсианства как в экономической теории, так и в социальной практике; эффективный спрос большинства населения создавался не только волной послевоенного экономического подъема, но и за счет значительного перераспределения доходов от сверхбогатых к малообеспеченным. Западные демократии имеют все основания гордиться теорией и практикой построения "государства всеобщего благосостояния". Но если отойти от узкопрофессионального экономического подхода и хотя бы немного расширить границы исследования, то окажется, что, применив активную перераспределительную политику, страны Запада на новом уровне хозяйственной организации воспроизвели политику аграрных цивилизаций Азии, направленную на сглаживание имущественной дифференциации. В XX в. индустриальная цивилизация воскресила и другой восточный феномен: систему перекрестных прав собственности, размывающую границы абсолют-

² С момента выхода первого доклада Римскому клубу тема ресурсных ограничений освещается все-сторонне. Однако она интересует в основном экономистов-международников и специалистов по глобализации. Позиции теоретической экономики, заложенные еще в XIX в., к началу XXI в. так и остались непоколебленными – для нее государства закрыты и самодостаточны, развитие линейно и беспрдельно, а его границы однопорядковы и легкопреодолимы.

ной частной собственности и допускающую большинство населения к совладению ресурсами. Сформулированное А. Оноре представление о "пучке прав собственности" помогло теоретически описать прием, с помощью которого социальная система, постепенно утрачивающая потенциал развития, пытается оптимизировать параметры своего состояния.

В развитых странах система "перекрестных прав собственности" формировалась по трем направлениям. Во-первых, через каналы государственного перераспределения. Государственная собственность и по букве, и по духу является собственностью всего населения. Она обеспечивает удовлетворение потребностей всех граждан, причем потребностей долгосрочных и краткосрочных, осознаваемых и неосознаваемых. Но современное государство обеспечивает не только совладение населением незначительной долей его собственных активов. Когда аккумулируемые бюджетом финансовые ресурсы направляются на удовлетворение краткосрочных и осознаваемых потребностей малообеспеченных граждан, государство перераспределяет доходы от собственности, принадлежащей одной группе населения, в пользу другой.

«Современные социал-демократы, – отмечает М. Сажина, – отказались от догматической интерпретации как самого института частной собственности, так и ее обобществления в форме всеохватывающей государственной национализации... Под обобществлением теперь понимается не ликвидация института частной собственности, а социализация отдельных ее правомочий (функций) посредством установления государственного контроля за распределением доходов. Это – так называемый функциональный подход к модели общественного развития, примером которой является шведский "функциональный социализм"... [позволяющий распределять] те или иные функции права владения между различными субъектами власти. Решающее значение придается не праву собственности, а политическому управлению отдельными ее функциями, то есть контролю над производством и распределением его продуктов через налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.» [Сажина, 2002, с. 589]. Это направление реализовано преимущественно в странах Западной Европы.

Второй путь формирования "перекрестных прав собственности" – создание так называемого "общества участия", в котором большинство населения получает доступ к совладению собственностью и присвоению дохода от нее через специальные банки и фонды. Хотя идея "общества участия" разработана европейской наукой (наиболее полно она отражена в концепции "капитализма участия" У. Хаттона), реализована она в основном в США. Американский средний класс участвует в совладении собственностью не только (и не столько) за счет приобретения корпоративных ценных бумаг, сколько за счет покупки акций различных фондов, прежде всего пенсионных, которые являются крупнейшими институциональными инвесторами [Супян, 2001, с. 6].

Третий вариант характерен прежде всего для Японии (и в целом для новых индустриальных стран Азии), поскольку опирается на национальные традиции государств Востока. Вспомним иницированную статьей В. Корнякова дискуссию по проблеме собственности, прошедшую в 1994–1997 г. на страницах журнала "Экономист". На основе данных о японских и европейских корпорациях исследователь доказывал мысль о снижении уровня конфликтности в современной высокоразвитой экономике практически до нуля за счет формирования так называемого "интегрального собственника", в котором "соединены два начала: идущее от руководства концерна (собственника, представляющего также и межкорпоративную форму собственности) и идущее от рабочих и служащих как коллективно реализующего также экономическую сторону собственности". «Японский опыт свидетельствует, – продолжал автор, – интеграция собственников "звучит симфонией" по той очевидной причине, что руководство концерна в качестве собственника подстраивается к "игре" рабочих, служащих, "играя" с ним на равных по нормам коллективизма» [Корняков, 1994, с. 77–78]. Традиционный для Востока патернализм гармонично вписался в корпоративные структуры, объеди-

няя всех служащих, от высшего руководства до чернорабочих, в некий аналог большой патриархальной семьи. В результате и наниматели, и служащие на "Тойоте" считают, что их интересы совпадают, что предприятие – их общая собственность.

Почти во всех опубликованных в ходе дискуссии статьях было высказано несогласие с положением, заявленным Корняковым. Большинство авторов отстаивало точку зрения, что социальное партнерство лишь сглаживает конфликт интересов собственников и несобственников, чем создается *видимость* достижения классовой гармонии в развитом (посткапиталистическом) обществе. Разумеется, видимость и сущность – вещи разные. Статистика распределения доходов и реальной власти над собственностью даже в наиболее благополучных странах с устойчивыми традициями социального партнерства делает преждевременными благостные выводы об исчезновении социальных противоречий. Однако статья Корнякова очень точно отразила тенденцию формирования системы "перекрестных прав собственности", которая в странах Юго-Восточной Азии реализована прежде всего на внутрикорпоративном уровне.

Усиление роли государства и формирование "перекрестных прав собственности" свидетельствуют о снижении потенциала развития мировой экономической системы и попытке приспособиться к новым, более жестким условиям. Однако индустриальная экономика еще не полностью выбрала свой потенциал и не перешла окончательно к статике. Попытки преодолеть очередное ресурсное ограничение и продолжить развитие не прекратились, причем поиск идет по двум базовым направлениям: и интенсивному, и экстенсивному. Прорыв границ ресурсных ограничений и выход на новую глобальную кривую производственных возможностей будет означать продолжение поступательного развития экономики. Но современный этап имеет две особенности, делающие его принципиально отличным от предыдущих.

Во-первых, современная индустрия неспособна существовать в рамках национальных границ. Она распространяет свое влияние на всю планету, превращая последнюю в единый территориальный воспроизводственный комплекс. При этом резко усиливается борьба за лидерство, которую ведут транснациональные корпорации и поддерживающие их правительства, и осложняется положение аутсайдеров, теряющих контроль за собственными ресурсами. Процесс концентрации собственности, который в аграрных цивилизациях протекал в рамках государственных границ, сегодня охватил всю планету, порождая те же проблемы, что и на предыдущем уровне хозяйственной организации, но в гораздо больших объемах.

Во-вторых, масштабы возможной трансформации современной социально-экономической системы отличаются не только количественно, но и качественно. Сегодня как никогда ранее обострился конфликт между краткосрочными и долгосрочными интересами человечества, между потребностью в выживании и развитии. Трактовать его можно с любых позиций. В европейской научной традиции приветствуется инновационное разрешение конфликта. При этом прогрессивное развитие однозначно понимается как позитивное явление. Не учитывается "другая сторона медали": инновация, развитие – не только созидание, но и разрушение; одно без другого не бывает. "Относительная ценность прогресса сохраняется лишь в паре с абсолютной ценностью катастроф" [Ионов, 2001, с. 135]. По умолчанию предполагалось, что ценность разрушаемого несопоставима с ценностью создаваемого. Что разрушается и в каких масштабах – на эту неприятную тему человек задумался только во второй половине XX в., в связи с глобальным экологическим кризисом. И пришел к еще более неприятному выводу – оказывается, вместе с природной средой он разрушает и себя.

До настоящего момента развитие, реализуемое через сознательную деятельность людей, сводилось к преодолению внешних ограничений, задаваемых средой. Сегодня человек подошел к рубежу, за которым начинается преодоление внутренних ограничений, налагаемых на него собственной биологической природой, после которого вряд ли возможно существование человека современного вида. Не исключено, что человечество стоит на пороге фазового перехода, который будет гораздо более масштабным, чем это предполагается прогнозами, не выходящими за рамки логики

экономического развития. Причем с позиции сегодняшнего знания невозможно оценить, насколько глубокой может стать предстоящая трансформация. При такой постановке вопроса выбор между статикой и динамикой, приспособлением к существующим ресурсным ограничениям и продолжением развития не выглядит таким простым, как это предполагается "экономическим образом мышления".

В данных условиях феномен власти-собственности имеет реальные шансы оказаться не ретроспективной, представляющей интерес для специалистов, изучающих застойные цивилизации, а перспективной всего человечества. Идеи биополярного или многополярного мира можно только приветствовать, если бы они были реализуемы. Но в борьбе различных политических (и экономических) сил всегда есть победители и побежденные. Демократическая форма политической власти возможна только тогда, когда у побежденного есть возможность вырваться за пределы ограничений, накладываемых на него победителем; уйти за пределы системы, в среду, которая пока еще свободна, не организована (или организована на более низком уровне), и развиваться за счет вещества и энергии этой среды. Но демократия неприемлема для закрытой глобальной системы, в которой ограниченные ресурсы должны использоваться оптимально, а, следовательно, принадлежать лидерам. Когда аутсайдеры не в состоянии найти альтернативные ресурсы, обеспечивающие им экономическую и политическую свободу, они вынуждены подчиниться; на том стояли все восточные деспотии.

Если человечеству удастся реализовать стабилизационный сценарий, он неизбежно сведется к построению жестко иерархизированного (вертикально) и усредненного (горизонтально) социума, в котором гомогенность будет преобладать над разнообразием, воспроизведение образцов (и материальных, и идеальных) над инновациями, словесность над социальной мобильностью. И, как и любая закрытая система, имеющая жесткую структуру, эта планетарная организация будет опираться на пирамиду власти-собственности, упорядочивающую имущественные отношения в социуме, лишенном дополнительного притока ресурсов. При одной оговорке, принципиально отличающей индустриальную систему хозяйствования от аграрной. На современном уровне развития вооружений невозможно реализовать функциональную динамику через механизм концентрации/деконцентрации собственности, действовавший в аграрных империях. Планетарная пирамида власти-собственности должна быть организована оптимально, иначе первая же фаза ее разрушения одновременно станет и последней. Верхушка пирамиды обязана не только брать, но и отдавать, активно занимаясь реди-стрибуцией.

Насколько это реально в мире, в котором гроши, выделяемые на гуманитарную помощь правительствами экономически развитых государств, даже отдаленно несопоставимы с потоками благ, перетекающими под их контроль? Если еще недавно распределение богатства в масштабах планеты по квантилям оценивалось как 61:1, затем 75:1, то в работе 2002 г. издания уже приводится цифра 82:1 [Гельвановский, 2002, с. 136], тогда как стабильный уровень имущественной дифференциации экономической наукой самих же развитых стран определяется как 10:1. Концентрация собственности, которая сегодня осуществляется и в границах государств (противостоящие ей перераспределительные механизмы работают только в развитых странах), и в масштабе всей планеты, ведет к повторению на новом уровне развития прежних закономерностей – перегрузке реди-стрибутивной системы, чреватой саморазрушением социума. В таких условиях выживание целого становится задачей, как минимум, не менее важной, чем развитие частей. Отрицательной обратной связью, противодействующей разрушению, может стать только *принудительно-добровольный процесс деконцентрации собственности*, причем на обоих уровнях – и государственном, и планетарном. Добровольный, поскольку он должен быть осознан властью имущими как вынужденная мера, способствующая самосохранению и "низов", и "верхов". Принудительный, так как далеко не все представители политической и экономической элиты способны адекватно оценивать ситуацию и жертвовать частью своих богатств во имя сохранения целого.

Если судить по опыту социальной истории человечества, о которой наука располагает достоверной информацией, новое всегда рождалось благодаря очень жесткой организации. Переход к производящему хозяйству заставил "цивилизованного человека" тратить на свое жизнеобеспечение гораздо больше времени и сил. Христианство в момент своего возникновения потребовало от своих приверженцев полного аскетизма. Работа на первых промышленных предприятиях по сути мало чем отличалась от каторги. Социалистическая революция в России, осуществленная под лозунгом борьбы с капиталистической эксплуатацией, на деле привела к усилению нормы эксплуатации трудящихся. Показательно, что новую организацию, гораздо более жесткую, чем предыдущая, человек каждый раз принимал в основном добровольно, поскольку она давала и духовно (вера), и физически (за счет усиления трудовой активности) шанс на выживание. Вся энергия человеческого сообщества, подчинившего себя новым правилам, концентрировалась на стратегическом, "ударном" направлении, обеспечивая прорыв к новому способу хозяйствования и новой цивилизационной модели. Так, построение социалистического общества никогда не состоялось бы без энтузиазма масс, на одном только принуждении. Современный человек – не исключение. Он готов принять на себя определенные ограничения (правда, не осознавая до конца их масштабы), если параллельно с ними ему обещают новые возможности. Без тотального управления новая организация не обойдется. По большому счету, то, что рождается сегодня на наших глазах – не добро и не зло; это просто другое добро и другое зло. Этот процесс фиксируется уже сегодня, когда он только набирает силу. "Создается глобальный инструментарий манипуляции поведением всего активного человечества, и появляется возможность информационно-психологического управления массами. Говоря словами Ф. Достоевского, наступает царство Великого инквизитора, только совсем невидимого" [Мясникова, 2001, с. 11].

Жесткие нормы, вызывающие протест человека, воспитанного на идеологии либерализма, – не чья-то извращенная злонамеренность, а обязательный принцип становления каждой новой организации. Привычка жить в состоянии перманентных изменений, сформировавшаяся у граждан Западной Европы и Америки, породила иллюзию о единственности самого лучшего экономического и политического устройства и беспредельности развития. При этом игнорируется простой, но очень жесткий по отношению к человеку факт – развитие никогда не остается в рамках одного качественно-го уровня. В основе господствующего сегодня "экономического образа мышления" лежит простой постулат: "Надо как можно больше производить с как можно меньшими издержками; остальное приложится". Специалисты по проблемам социальной эволюции гораздо сдержаннее относятся к оценке возможных вариантов развития событий, в том числе и к тому, который на первый взгляд кажется решением всех проблем. Они понимают, что, решая одни проблемы, человек одновременно создает другие, не менее значимые. Радикальность будущих изменений может оказаться настолько серьезной, что любые попытки оценивать их с позиции сегодняшнего понимания проблемы станут просто неадекватными. Ситуация, в которой оказалось современное человечество, настолько сложна, что самой разумной позицией представляется осторожный вывод профессионалов: "Выбор сегодня обычно происходит не между добром и злом, не между стабильностью и изменчивостью, а между большим и меньшим злом, между различными неустойчивыми траекториями, за которые приходится платить разную цену" [Капица, Курдюмов, Малинецкий, 1997, с. 56].

Можно согласиться с мнением, что при подобном варианте развития событий лидерство Европы для всего мирового сообщества было бы предпочтительнее американского [Иноземцев, Кузнецова, 2002]. Здоровый консерватизм европейцев, заставляющий их сдержанно относиться к опасным экспериментам, культурные традиции (в том числе и традиции политического компромисса), а также отработанная практика перераспределения доходов, снижающая потенциал социальной конфликтности до приемлемого уровня, дают Европе шанс реализовать вариант "мягкой, конфуцианской империи".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаев Л.Б.* Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии // Частная собственность на Востоке. М., 1998.
- Алексеев В., Нефедов С.* Гибель Советского Союза в контексте истории социализма // Общественные науки и современность. 2002. № 6.
- Бурганов А.Х.* Философия собственности. Самара, 1996.
- Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
- Гельвановский М.И.* Философия хозяйства и конкурентоспособность // Экономическая теория на пороге XXI века – 6. М., 2002.
- Иноземцев В., Кузнецова Е.* Возвращение Европы. Объединенная Европа на пути к лидерству в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4.
- Ионов И.Н.* Историческая глобалистика: предмет и метод // Общественные науки и современность. 2001. № 4.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997.
- Корняков В.* Новая модель отношений собственности (анализ современного опыта) // Экономист. 1994. № 3.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2001.
- Кульпин Э.С.* Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке). М., 1998.
- Кульпин Э.С.* Интервью Бюллетеню ISAR // Ландшафт и этнос. М., 1999.
- Лукьянов И.С.* Отношения идеологии. Собственность. Идеология. Право. Власть. Владивосток, 2000.
- Малиновский А.А.* Теория структур и ее место в системном подходе // Системные исследования. Ежегодник 1970. М., 1970.
- Медведко Л.И.* Россия, Запад и ислам. (Диалектика и синергетика в “интегральном сопряжении” войны и мира.) // Общественные науки и современность. 2002. № 1.
- Мясникова Л.А.* Новая экономика в пространстве постмодерна // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.
- Некlessа А.И.* Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы междисциплинарного семинара Клуба ученых “Глобальный мир”. М., 2001^a.
- Некlessа А.И.* Трансмутация истории // Вопросы философии. 2001^б. № 3.
- Некlessа А.И.* Эпilog истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.
- Нуреев Р., Рунов А.* Россия: неизбежна ли деприватизация? (Феномен власти-собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. 2002. № 6.
- Сажина М.А.* Социал-демократическая модель общественного развития // Экономическая теория на пороге XXI века – 6. М., 2002.
- Спиркин А.Г.* Философия. М., 1999.
- Суняев В.Б.* Эволюция форм собственности в США: современные особенности // США–Канада: экономика, политика, идеология. 2001. № 1.
- Шаповалов В.И., Казаков Н.В.* Законы синергетики и глобальные тенденции // Общественные науки и современность. 2002. № 3.